

АБСТРАКТНО-ВСЕОБЩЕЕ И КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕЕ В ПОНЯТИИ «ОРУДИЕ ТРУДА» И СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-37-45>**В. В. Пшенников**

ООО «ТиПиЭм-центр»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: vvasp@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется трактовка Э. В. Ильенковым определения человека Б. Франклином как «существа, производящего орудия труда». Констатируется, что известное Э. В. Ильенкову положение Б. Спинозы о совершенствовании не только «естественных орудий», но и «умственных орудий» не используется Э. В. Ильенковым для определения человека. Доказывается недостаточность для определения человека понятия «орудие труда». Обосновывается необходимость введения К. Марксом понятия «средства труда». Раскрывается абстрактно-всеобщее и конкретно-всеобщее в понятии «средства труда». Сделан вывод о произведениях художественного и научного творчества в пространстве духовной культуры как средствах труда, используемых для преобразования человека. Предлагается определение человека как существа, производящего средства труда, с помощью которых человек преобразует природу и самого себя. При этом средство труда понимается как единство абстрактно-всеобщего (в качестве меновой стоимости) и конкретно-всеобщего (в качестве потребительной стоимости).

Ключевые слова: орудия труда, средства труда, преобразование человека, абстрактно-всеобщее, конкретно-всеобщее, произведения искусства, научные достижения, Б. Спиноза, Б. Франклин, К. Маркс, Э. В. Ильенков.

Для цитирования: Пшенников В. В. Абстрактно-всеобщее и конкретно-всеобщее в понятии «орудие труда» и способ производства духовной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №2 (118). С. 37–45. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-37-45>

ABSTRACT-UNIVERSAL AND CONCRETE-UNIVERSAL IN THE CONCEPT OF “TOOL OF LABOR” AND THE METHOD OF PRODUCTION OF SPIRITUAL CULTURE

Viacheslav V. Pshennikov

“TPM-Center” LLC,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: vvasp@mail.ru

ПШЕННИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «ТиПиЭм-центр»

PSHENNIKOV VIACHESLAV VASILYEVICH – CSc in History, Director of the “TPM-Center” LLC

© Пшенников В. В., 2024

Abstract. The article analyses E.V. Ilyenkov's interpretation of B. Franklin's definition of man as "a toolmaking animal". It is stated that B. Spinoza's position known to E.V. Ilyenkov about perfection not only of "natural tools" but also of "mental tools" is not used by E.V. Ilyenkov to define man. The insufficiency of the concept "instrument of labour" for the definition of man is proved. The necessity of K. Marx's introduction of the concept of "means of labour" is substantiated. The abstract- universal and concrete- universal in the concept of "means of labour" is revealed. The conclusion is made about the works of artistic and scientific creativity, the space of spiritual culture as means of labour used for the transformation of man. The definition of man as a creature producing means of labour and transforming nature and himself with the help of means of labour is proposed. In this case, the means of labour is understood as a unity of the abstract- universal (as exchange value) and concrete- universal (as use value).

Keywords: tools of labour, means of labour, human transformation, abstract- universal, concrete- universal, artistic works, scientific achievements, B. Spinoza, B. Franklin, K. Marx, E.V. Ilyenkov.

For citation: Pshennikov V. V. Abstract-universal and concrete-universal in the concept of "tool of labor" and the method of production of spiritual culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 2 (118), pp. 37–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-37-45>

*Ты создаешь сам себя и лепишь.
И никому невидимым резцом
Ты форму от бесформенности лечишь.
И сам себе приходишься творцом.
Белла Ахмадулина, 1970 г.*

Вопрос о сущности человека актуален всегда. Но в переломные и турбулентные периоды истории ответы на него приобретают судьбоносное значение как для общества в целом, так и для конкретного человека. Проблема в том, что найти эти ответы трудно, не обращаясь к поискам наших великих предшественников, к которым, вне всякого сомнения, относится и Эвальд Васильевич Ильенков.

Обращение к их творческому наследию не может быть сведено просто к усвоению выработанных ими истин. Оно, это обращение, предполагает самостоятельное осмысление современного мира и определение своего места в нем с помощью принципов, методов и инструментов, которые добыты и созданы людьми дела и мысли, жившими до нас. Такими, как Э. В. Ильенков.

О противоречиях в определении

Э. В. Ильенковым

сущности человека

«В полном согласии с данными антропологии, этнографии и археологии, – писал

Э. В. Ильенков, – материалистическое понимание сущности человека усматривает всеобщую форму человеческого существования в труде, в непосредственном преобразовании природы (как внешней, так и своей собственной), которое производит общественный человек с помощью им же самим созданных орудий» [1, с. 441]. Здесь придется прервать цитату, чтобы акцентировать внимание на тех аспектах определения сущности человека, которые потребуются для дальнейших рассуждений.

Помимо основной мысли о том, что сущность человека – в труде, также важны ещё два аспекта. Во-первых, непосредственное преобразование природы подразумевает, наряду с внешней по отношению к человеку природой, также собственную природу человека. Во-вторых, преобразование и того, и другого производится с помощью орудий, созданных человеком. «Поэтому-то, – продолжает рассуждения Э. В. Ильенков, – К. Маркс с такой симпатией и относится к знаменитому определению Франклина, гласящему, что че-

ловек – это существо, производящее орудия труда» [1, с. 441–442].

В этом фрагменте текста Э. В. Ильенков очень точен. Он подчеркивает, что К. Маркс относится к определению Б. Франклина «с симпатией». Только так и можно трактовать вот эти слова Маркса: «Франклин определяет человека как «а toolmaking animal», как животное, делающее орудия!» [8, с. 191]. Но, и это крайне важно зафиксировать, если Маркс относится с симпатией к определению Франклина, это вовсе не означает, что он принимает это определение в качестве элемента собственной теории. В другом месте Маркс, фиксируя историчность определения человека, ссылается на Аристотеля, определявшего человека как гражданина городской республики, и отмечает: «Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий» [8, с. 338]. Итак, здесь подчёркивается, что определение Б. Франклина характерно для определенного исторического периода – для «века янки».

Но Э. В. Ильенков, во-первых, принимает это характерное для «века янки определение» за определение всеобщее, во-вторых, он отождествляет определения всеобщего и конкретно-всеобщего: «И если попытаться дать всеобщее определение «человека», то оно будет звучать так: человек есть существо, производящее орудия труда. Это и будет характерным примером конкретно-всеобщего определения, конкретной абстракции понятия» [2, с. 113]. Категория абстрактно-всеобщего в данном контексте Э. В. Ильенковым не упоминается.

Далее Э. В. Ильенков фактически критикует им же самим данное определение, но критикует с позиций «старой», т. е. формальной, логики. И цель этой критики – не раскрыть глубже собственное определение, а показать несостоятельность «старой» логики в отношении определяемой им выше сущности человека. Делает он это, указывая на неспособность с позиций формальной логики подвести под его собственное опре-

деление «посредством простой формальной абстракции, с помощью силлогистической фигуры таких несомненных представителей человеческого рода, как Моцарт или Рафаэль, Пушкин или Аристотель...» [2, с. 114].

Последовательно продолжая рассуждения в духе «старой» логики, Э. В. Ильенков в 1974 г. фиксирует ее вывод: «Формально определение относится только к узкому кругу индивидов – к рабочим машиностроительных заводов или мастерских. Даже рабочие, машин (орудий) не производящие, а только ими пользующиеся, в рамки такого определения формально не войдут. Поэтому старая логика по праву расценит указанное определение не как всеобщее, а как сугубо особенное определение, не как определение человека вообще, а как определение частной профессии» [1, с. 442; 4, с. 75].

Но что же можно возразить на это «старой» логике? Каково же отношение самого Э. В. Ильенкова с позиций его собственной логики к проблеме, обозначенной «старой» логикой: соответствуют ли деятели науки и искусства, вообще представители умственного труда тому определению человека, которое дал вслед за Франклином Э. В. Ильенков (см. выше)? Как бы заранее отвечая на эти сами собой подразумевающиеся вопросы, Э. В. Ильенков пишет: «Производство орудий труда, орудий производства есть действительно реальная и поэтому вполне *особенная* форма человеческого существования. Но это не мешает ему одновременно быть столь же реальной *всеобщей* основой всего остального человеческого развития, всего человеческого в человеке» [3, с. 50].

Но ответ этот таков, что порождает, в свою очередь, новые вопросы.

Во-первых, существуют ли другие реальные и поэтому вполне *особенные* формы человеческого существования? Если существуют, то почему они не могут быть *«всеобщей»* основой всего остального человеческого развития? А если другие *особенные* формы не существуют, то почему данная форма является *особенной*, и чем она в таком случае отличается от *всеобщей*?

Во-вторых, Э. В. Ильенков не ставит вопроса о том, с помощью каких же «орудий труда» человек осуществляет преобразование собственной природы?

В-третьих, он не дает прямого ответа на следующие вопросы. С точки зрения материалистической диалектики, а не «старой» логики, производят или нет орудия труда Моцарт и Рафаэль, Пушкин и Аристотель? Если производят, то какие именно? Если не производят, то все же каким конкретно образом их можно «подвести», уже с позиций материалистической диалектики, под заявленное самим Э. В. Ильенковым определение человека?

Э. В. Ильенков и разрешение противоречий в определении сущности человека

Зафиксированные выше противоречия в определении Э. В. Ильенковым сущности человека на фоне всего его творчества выглядят труднообъяснимыми. Ведь ключи к разрешению этих противоречий таятся в работах самого Э. В. Ильенкова.

Так, отнесение определения человека как существа, производящего орудия труда, пусть лишь формально, «только к узкому кругу индивидов – к рабочим машиностроительных заводов или мастерских», не удастся объяснить, если принять во внимание следующие размышления Э. В. Ильенкова. «С методом познания, – цитирует Э. В. Ильенков Б. Спинозу, – дело обстоит так же, как с естественными орудиями труда...» [6, с. 307]. Под последними здесь имеются в виду молот, плуг и другие орудия.

Продолжая цитировать Б. Спинозу, Э. В. Ильенков приводит его рассуждения о том, как разум «создает себе умственные орудия (*instrumenta intellectualia*), от которых обретает другие силы для других умственных работ, а от этих работ – другие орудия, т. е. возможность дальнейшего исследования, и так постепенно подвигается, пока не достигнет вершины мудрости» [6, с. 307]. Текст с этими размышлениями был опубликован в 1962 году.

Во-первых, понятие умственных орудий помогает объяснить, почему не только рабочие машиностроительных заводов или мастерских производят орудия труда. Производителями умственных орудий оказываются художники и композиторы, поэты и философы. Но не только они. Производитель молота изготовил материальное орудие труда. Но, например, ремесленник или крестьянин, использующие соответственно молот и плуг в работе, могут изобрести приёмы наиболее эффективного применения молота и плуга. И эти трудовые приёмы – уже умственные орудия, те самые секреты мастерства, которыми умельцы так дорожат и которые передают из поколения в поколение.

Во-вторых, благодаря понятию умственных орудий становится ясно, каким образом происходит преобразование человеком собственной природы, «производство» самого человека. Ни поэт или композитор, ни слесарь или инженер таковыми не рождаются. Они «производятся» ими самими и общественной системой образования и воспитания с помощью тех самых умственных орудий. Вот знакомый, наверное, каждому пример «преобразования человека». Можно приобрести такие «материальные орудия», как таблетки или капсулы для преодоления какого-то недуга. Но их употребление может не дать ожидаемого эффекта и даже принести вред, если применять их без следования развернутой (в прямом и переносном смысле) инструкции. Эта инструкция, точнее – ее содержание, и есть то самое «умственное орудие».

Ход мысли Б. Спинозы Э. В. Ильенкову был ясен, и точка несогласия с ним была чётко зафиксирована. Врожденность умственных орудий, писал Э. В. Ильенков, Спиноза понимал «в виде *естественных*, т. е. *от природы* человеку свойственных интеллектуальных задатков, совершенно аналогично тому, как рука человека есть первоначальное «естественное орудие».

Врожденность «интеллектуальных орудий» Б. Спиноза пытается здесь истолковать принципиально *материалистически*,

вывода ее из естественной, природной организации человеческого существа, а не из «бога» в смысле Р. Декарта или Г. Лейбница. Чего Б. Спиноза не понимал, так это того, что первоначальные несовершенные «интеллектуальные орудия» есть продукты *материально-го труда*, а не продукты *природы*. Он считает их продуктами природы. И в этом – не в чем ином – заключается слабость его позиции» [6, с. 307–308].

В работах Э. В. Ильенкова приведено множество примеров «преобразования» человека с помощью «орудий труда», создаваемых учеными и деятелями искусства. Если под «преобразованием» человека понимать развитие имеющихся у него способностей, то в работах Э. В. Ильенкова можно найти немало описаний того, как это происходит. Вот пример такого описания: «Умение понимать красоту (художественного ли произведения, или реального факта) по самой природе эстетического восприятия связано со способностью видеть как раз индивидуальность, но не «дурную», а так называемую всеобщую индивидуальность предмета, факта, человека, события, – со способностью в самом акте созерцания сразу схватывать факт в его всеобщем значении, «в целом», не производя еще детального анализа, то есть со способностью «видеть целое раньше его частей», <...> само собой понятно, эта способность нужна не только в искусстве, не только художнику» [5, с. 13]. Но, пожалуй, самым убедительным свидетельством глубокого понимания Э. В. Ильенковым того, какие «орудия труда» применяются для преобразования природы человека, являются те уникальные результаты, которые были достигнуты в проводившейся с его активнейшим участием работе со слепоглухонемыми детьми.

Можно привести немало подобных примеров, но они не изменят того факта, что прямого ответа на вопрос о том, производят ли орудия труда Моцарт и Рафаэль, Пушкин и Аристотель в теоретическом наследии Э. В. Ильенкова нет. И это – не случайность и не досадное недоразумение. Этому факту есть вполне рациональное объяснение.

Абстрактно-всеобщее

в человеческой жизнедеятельности

Как отмечалось выше, при определении сущности человека (и только в этом случае!) Э. В. Ильенков фокусируется – как на реальном – только на конкретно-всеобщем определении человека. Вот ещё одно тому подтверждение: «Сущность человека» реальна только как развитая и расчленённая система способностей, как многосложная система разделения труда, образующая соответствующих своим потребностям индивидов – математиков, плотников, ткачей, философов, наёмных рабочих, предпринимателей, банкиров или лакеев...» [2, с. 112]. В этом утверждении имеется в виду вся совокупность орудий труда, создаваемых и применяемых людьми для удовлетворения в процессе своей деятельности разнообразных общественных потребностей. Это и есть конкретно-всеобщее в понимании человека как существа, производящего орудия труда.

Далее Э. В. Ильенков прямо отождествляет определения всеобщего и конкретно-всеобщего и даже предостерегает от попыток поиска здесь абстрактно-всеобщего: «<...> производство орудий труда, производство средств производства составляет собой подлинно всеобщую, конкретно-всеобщую форму всех остальных особенностей человеческого бытия. Если же мы будем в данном случае отыскивать абстрактно-всеобщую форму человеческой жизнедеятельности, то мы выделим в лучшем случае мышление, волю, речь, то есть придем с неизбежностью к той или иной разновидности идеалистического понимания «всеобщей природы человека» [2, с. 128–129]. Действительно, если трактовать абстрактно-всеобщее в человеке таким образом, то это приведет к идеалистическому и внеисторическому пониманию его природы. Но, как будет показано ниже, понимание абстрактно-всеобщего в человеке с материалистической точки зрения приводит к иным выводам.

Здесь необходимо отметить, что проблема абстрактно-всеобщего оказалась камнем преткновения и для Франклина, при всей

высокой значимости его вклада в развитие экономической науки. «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, – пишет Маркс, – мы находим у человека Нового Света. <...> Этот человек – Бенджамин Франклин. <...> Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера – труд» [7, с. 42]. И буквально здесь же Маркс отмечает ограниченность концепции Франклина, который полагает, «что стоимость сапог, руды, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особым качеством и поэтому измеряется лишь в количественном отношении. Но так как он не развивает понятия труда, содержащегося в меновой стоимости, как абстрактно всеобщего общественного труда, возникающего из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он неизбежно не понимает денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда. Поэтому у него деньги и труд, создающий меновую стоимость, не находятся ни в какой внутренней связи...» [7, с. 43].

Сопоставление написанного Э. В. Ильенковым и Марксом по поводу проблемы абстрактно-всеобщего позволяет сделать три вывода. Во-первых, поиски абстрактно-всеобщего в человеческой жизнедеятельности далеко не всегда приводят к идеализму. Во-вторых, абстрактно-всеобщее в труде, как форме человеческой жизнедеятельности, реально существует и находит свое выражение в меновой стоимости. В-третьих, без признания реальности существования абстрактно-всеобщего в человеческой деятельности и опоры на эту реальность невозможно понять и объяснить некоторые существенные аспекты самой жизнедеятельности.

Орудие труда – разновидность товара. А «товар как таковой представляет собой непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости» [7, с. 28]. Что же представляет собой каждая из сторон этого единства?

«В качестве потребительной стоимости товар (в т. ч. орудие труда – В.П.) действует как причина» [7, с. 23]. Действия плуга, молота, токарного станка и т. п. – причины соответствующих изменений в обрабатываемом материале. Действие на человека услышанной им вдохновляющей песни или музыки, делающие понятным ранее непонятное прочитанная книга или просмотренный фильм, способствующие укреплению физического и психического здоровья рекомендации врача или тренера и т. п. – причины изменений в человеке. Все, перечисленное в двух предыдущих предложениях, – действие орудий труда как потребительских стоимостей. Только в первом предложении – действие материальных орудий труда на природу вне человека. Во втором – действие «умственных орудий» на самого человека. И когда Э. В. Ильенков пишет о «многосложной системе разделения труда, образующей соответствующих своим потребностям индивидов», то здесь явно имеется в виду все многообразие общественных потребностей, удовлетворяемых с помощью орудий труда как потребительными стоимостями. В том числе и потребность в развитии различных человеческих способностей. Но прямого вывода о том, что продукты научного и художественного творчества и являются теми орудиями труда, которые эти способности развивают, Э. В. Ильенков не делает.

Теперь о второй стороне единства товара, в том числе орудия труда, – меновой стоимости. «Как меновая стоимость товар всегда рассматривается с точки зрения результата. <...> Следовательно, меновая стоимость, например, машины, определяется не количеством рабочего времени, которое она замещает, а количеством рабочего времени, которое затрачено на нее самое и которое поэтому требуется, чтобы произвести новую машину такого же рода» [7, с. 23]. Иными словами, каждый товар, каждое орудие труда в качестве меновой стоимости – «результат затраченной человеческой жизненной силы – овеществленный труд» [7, с. 15]. Труд – как затрата сил, энергии человека – и создает меновую стоимость. Такой труд одинаков, идет ли речь

об изготовлении рубанка, пилы, дрели или об исполнении симфонии, создании скульптуры, сочинении стихотворения. И этот «труд, создающий меновую стоимость, есть абстрактно-всеобщий труд» [7, с. 15].

Таким образом, востребованные в сложившейся системе разделения труда продукты научного и художественного творчества – с точки зрения меновой стоимости – ничем не отличаются от орудий труда в материальном производстве. Процесс потребления продуктов научного и художественного творчества и есть развитие способностей индивида, или «производство человека». Овеществленный в человеке общественно-необходимый абстрактно-всеобщий труд, затраченный на развитие его способностей, представляет собой меновую стоимость его рабочей силы.

В условиях разделения общественного труда сущность человека представляет собой противоречивое, но неразрывное единство двух составляющих. Одна составляющая есть конкретно-всеобщее, связанная с конкретной профессией, способность производить, по терминологии Спинозы, «естественные» или «умственные» орудия труда, являющиеся причинами преобразования природы, в том числе самого человека. Другая составляющая – абстрактно-всеобщее, результат собственно-го или вложенного в человека обществом абстрактного труда.

Однако Э. В. Ильенков понятие абстрактно-всеобщего – в том смысле, в каком использовал в обсуждаемом контексте это понятие Маркс – не рассматривает.

Орудия труда и средства труда

Ещё одно обстоятельство, которое могло помешать дать прямой ответ на поставленный в названии статьи вопрос, связано с понятиями «орудия труда» и «средства труда». Э. В. Ильенков в определении человека использует, вслед за Б. Франклином, преимущественно понятие «орудия труда», в редких случаях – понятия «средства труда», «средства производства» как синонимы понятия «орудия труда». Иначе трактует эти понятия Маркс.

Понятие «орудие труда», видимо, оказалось для Маркса недостаточно ёмким, чтобы определять через него сущность человека, хотя идея Франклина и была им высоко оценена. Но в концепцию Маркса понятие «орудие труда» если и укладывалось, то не в прямом, а только в переносном смысле. Маркс же ввел новое понятие – «средство труда». «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда, и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи» [8, с. 190]. Быть проводником воздействия труда (или субъектом труда) на предмет труда для удовлетворения определенной общественной потребности – это и есть конкретно-всеобщее определение средства труда.

Понятие «средства труда», очевидно, гораздо шире, чем понятие «орудия труда» в его обыденном понимании. Всякое орудие труда является средством труда. Но не всякое средство труда – орудие труда. «В мануфактуре и ремесле, – отмечает Маркс, – рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. <...> В мануфактуре рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки» [8, с. 433]. В этой логике машина – средство труда, но не орудие труда.

Такое предельно широкое понимание средств труда и позволило Марксу дать конкретно-всеобщее определение человека, которое можно сформулировать следующим образом: человек – существо, создающее средства труда («вещь или комплекс вещей») для целенаправленного воздействия на предмет труда. Абстрактно-всеобщее определение человека состоит в его определении как результата прошлого труда по развитию своих способностей.

Каждое отдельное средство труда представляет собой единство абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего. Будучи,

в качестве потребительной стоимости, проводником воздействия субъекта труда на предмет труда для удовлетворения определенной потребности, средство труда в качестве меновой стоимости представляет собой результат вложенного в него прошлого труда. Человек в той мере человек, в какой он есть результат труда по преобразованию себя, продукт собственного развития.

В дальнейшем Маркс анализирует процесс труда в основном с применением уже понятия «средства труда», и реже – понятия «орудия труда». При «собираании готовых жизненных средств, например, плодов, <...> средствами труда служат только органы тела рабочего» [8, с. 190]. Земля, будучи, по Марксу, для человека первоначально источником его пропитания, «является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, тереть, давить, резать и так далее [8, с. 190]. С появлением земледелия роль земли как средства труда меняется, поскольку ее обработка предполагает наличие лопаты, плуга, бороны и т. п. Но, что существенно для определения человека, и это подчеркивает Маркс, использование уже этих орудий труда предполагает и соответствующий уровень развития рабочей силы.

«Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами, – отмечает Маркс, – главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные» [8, с. 190].

Есть средства труда, служащие для перемещения и хранения предметов труда. Известный советский ученый П. Г. Кузнецов и то, и другое считал средствами транспортировки. Но при этом он различал «транспортировку в пространстве» – средства передвижения и перемещения (повозки, суда, верёвки, трубопроводы и прочее) и «транспортировку во времени» – собственно хранение, без перемещения в пространстве (складские помещения, стеллажи, ёмкости для хранения жидких и сыпучих ве-

ществ и так далее). Хотя, как отмечал Маркс, различного рода ёмкости могут играть роль не только средств хранения, но и механических средств труда, в которых протекают различного рода реакции, как это бывает в химической промышленности [8, с. 191].

По логике Маркса, среди средств труда, служащих для преобразования такой части природы, как человек, окажутся архитектурные сооружения, скульптурные, живописные, музыкальные и танцевальные произведения, литературные и научные трактаты. В общем, все продукты художественного и научного творчества, созданные человечеством за всё время его существования, всё пространство духовной культуры.

Но не только продукты духовной культуры являются средствами труда по преобразованию человека. Таковыми являются и видимый скальпель хирурга, и невидимые «резцы» культуры физической: не чрезмерный, не разрушающий человека физический труд и спорт. Кстати, стихотворные строки, взятые эпиграфом к настоящей статье, впервые прозвучали в прекрасном во всех отношениях фильме Элема Климова «Спорт, спорт, спорт...».

Мысль о влиянии науки и искусства на формирование человека, развитие его способностей была близка и Э. В. Ильенкову. «Для развития способности мыслить диалектически, – пишет он, соглашаясь далее с утверждением Энгельса, – «не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии». И, развивая этот тезис, Э. В. Ильенков продолжает: «По отношению к способности воспринимать мир в формах развитой человеческой чувственности такую же роль играет сокровищница мирового искусства» [5, с. 8]. Э. В. Ильенков не привел, скорее всего, известные ему слова Энгельса: «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем» [9, с. 367]. Но, как представляется, именно в них и содержится прямой ответ на вопрос о том, какие «орудия труда» производил Аристотель.

Список литературы

1. *Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 4. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 222–447.
2. *Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 1. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. С. 23–353.
3. *Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 2. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 14–267.
4. *Ильенков Э. В. О всеобщем* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 4. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 55–82.
5. *Ильенков Э. В. О «специфике» искусства* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 3. Москва: Издательство Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 6–17.
6. *Ильенков Э. В. Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике* // Э. В. Ильенков. Собрание сочинений: Т. 2. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 296–344.
7. *Маркс К. К критике политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 13. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1–167.
8. *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 1–784.
9. *Энгельс Ф. Диалектика природы* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 20. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 343–626.

*

Поступила в редакцию 18.02.2024